

**Законы прогрессивного развития действуют только в обществе,
где ценятся подлинные образование и культура.**

И. Е. Тарапов

УНИВЕРСИТЕТЫ

НАУКА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 2000 года
Свидетельство о регистрации КВ № 4064
от 02.03.2000 г.
Учредитель: Харьковский национальный
университет им. В. Н. Каразина
Основатель и первый главный редактор —
проф. И. Е. Тарапов
Издатель: Медиа-группа «Окна»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Бакиров В. С. (председатель)
Астахова В. И.
Бандурка А. М.
Белова Л. А.
Богословская И. Г.
Бондаренко М. Ф.
Гриценко В. Н.
Громов Д. Е.
Кагановский А. С.
Ковтун В. И.
Красовицкий А. В.
Кремень В. Г.
Ладыженский О. С.
Лапшин В. И.
Литвиненко Л. Н.
Прокопенко И. Ф.
Сапронов Ю. А.
Святаш Д. В.
Семиноженко В. П.
Сидоренко А. Л.
Соловьев В. Ф.
Сорока Л. С.
Тацій В. Я.
Товажнянский Л. Л.
Шутенко Л. Н.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Холін Ю. В. (главный редактор)
Александров Ю. В.
Безхутрый Ю. Н.
Божков А. И.
Гандель Ю. В.
Гуменок И. А.
Дьячков С. В.
Ефименко А. В.
Лукашова В. Л. (ответственный секретарь)
Макаровський М. О.
Мчедлов-Петросян Н. О.
Посохов С. И.
Тарапова Е. И. (зам. гл. редактора)
Шкода В. В.

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Рукописи, не принятые к опубликованию, не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за содержание и форму рекламных материалов несет рекламодатель. Журнал издается при поддержке Ассоциации выпускников Харьковского национального университета.

НАУКА ТА ПРОСВІТА

НАУКОВО-ПОПУЛЯРНИЙ
КВАРТАЛЬНИЙ ЖУРНАЛ

Видається з 2000 року
Свідчення про реєстрацію КВ № 4064
від 02.03.2000 р.
Засновник: Харківський національний
університет ім. В. Н. Каразіна
Основоположник і перший головний редактор —
проф. І. Є. Тарапов
Видавець: Медіа-група «Вікна»

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

Бакіров В. С. (голова)
Астахова В. І.
Бандурка О. М.
Белова Л. О.
Богословська І. Г.
Бондаренко М. Ф.
Гриценко В. М.
Громов Д. Є.
Кагановський О. С.
Ковтун В. І.
Красовицький О. В.
Кремень В. Г.
Ладиженський О. С.
Лапшин В. І.
Литвиненко Л. М.
Прокопенко І. Ф.
Сапронов Ю. А.
Святаш Д. В.
Семиноженко В. П.
Сидоренко О. Л.
Соловійов В. П.
Сорока Л. С.
Тацій В. Я.
Товажнянський Л. Л.
Шутенко Л. М.

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

Холін Ю. В. (головний редактор)
Александров Ю. В.
Безхутрий Ю. М.
Божков А. І.
Гандель Ю. В.
Гуменок І. О.
Дьячков С. В.
Ефименко А. В.
Лукашова В. Л. (відповідальний секретар)
Макаровський М. О.
Мчедлов-Петросян М. О.
Посохов С. І.
Тарапова О. І. (заст. гол. редактора)
Шкода В. В.

Погляди редакції можуть не співпадати з думками авторів. Рукописи, не прийняті до опублікування, не рецензуються і не повертаються. Відповідальність за зміст і форму рекламних матеріалів несе рекламодавець. Журнал видається за підтримки Асоціації випускників Харківського національного університету.

№ 1
2003

А. Ю. Парфиненко

ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ УКРАИНСКОГО СТУДЕНТА 20-х ГОДОВ

Б. В. Иогансон. Рабфак идет, 1928

Двадцатые годы прошлого века — целая эпоха в истории нашей страны. Это период становления и утверждения молодого Советского государства, время бесчисленных зигзагов внутренней политики: военный коммунизм, нэп, коллективизация, украинизация, эксперименты в области образования... Быстрой трансформации подверглась и студенческая среда. Журнал «Студент революции» писал: «Студент — это звучало гордо в былые годы... Ныне это слово в меньшем почете и то лишь выговаривается с добавкой «пролетарский» или заменяется словом «вузовец»...» [1, 1924. — № 7. — С. 1]. «Пролетарский студент» даже внешне не похож на студента дореволюционной России: «Це колись означало, що студенти приїхали, понадівали сердюки й мундири з золотими гудзиками, посправляли картузи з гербами, повшивали канти в штани «під воєнного» і вкушають науку... Було колись, не вернеться. Приїхали комнезаможники, члени профспілок. ... Шинелі наопашки, сорочки полотняні з вирізуванням і кепка, або старовинний картуз...» [1, 1924. — № 7. — С. 35].

В этой статье мы обратимся к некоторым характерным особенностям жизни украинского студенчества 20-х годов.

ГОЛОСА

Твердо следуя лозунгу «мы свой, мы новый мир построим», в советской Украине осуществили коренную ломку старой системы образования. Университеты были ликвидированы как рассадники буржуазной культуры, а на смену им пришли институты народного образования — «кузні кадрів» для массовых школ. Прием в вуз, в соответствии с проводимой властями политикой пролетаризации и ликвидации безграмотности, носил ярко выраженный классовый

студенческой переписи 1923 года, доля рабочих и служащих среди вновь поступивших студентов составила 53,4% (из них рабфаковцев — 75,5%). Для «завоевания» вузов Советская власть применяла и другие средства. Так, с начала 1920-х годов вводятся так называемые социально-академи-

студенческой переписи 1923 года, доля рабочих и служащих среди вновь

*В этот месяц, друзья,
Только тема одна
Всем студентам является близкой.
О зачетах не смей,
Говори лишь «о ней» —
О грядущей таинственной чистке...
[1, 1924. — № 7. — С. 59].*

***

Важный социокультурный феномен времени — взаимоотношения студентов и преподавателей. Советская власть, не доверявшая старой интеллигенции («мелкобуржуазной, реакционной и гнилой прослойке»), временно, до вызревания «советской интеллигенции», мирилась с привлечением к работе «буржуазных специалистов». В таком духе выдержана резолюция Всесоюзного совещания пролетарского студенчества, в которой сказано: «Студенты должны усвоить к профессуре *исключительно деловой тон* (курсив наш. — А. П.), проявляя готовность к совместной работе. Вместе с тем студенты должны отдавать себе отчет в том, что окончательным фактором, решающим позицию профессуры, является... массовое появление научных работников пролетарского состава в основных отраслях учебного и научного процесса» [1, 1924. — № 3–5. — С. 59].

Твердо следуя лозунгу «мы свой, мы новый мир построим», в советской Украине осуществили коренную ломку старой системы образования. Университеты были ликвидированы как рассадники буржуазной культуры

характер. Чтобы стать студентом, достаточно было получить направление комнезама, комсомола или профячейки (среднее образование при этом не требовалось). А вот молодым людям «непролетарского происхождения» попасть в высшую школу было сложно.

Для подготовки вчерашних рабочих и крестьян к учебе в вузах были созданы рабочие факультеты (рабфаки). Настраивая «пролетарского студенчества» передают стихи того времени:

*Нас послали учиться заводи,
Нас послали учебові лани...
І знання, що веде до свободи,
Від усіх нас чекають вони.
Робфаківець вміє працювати,
Учора — з молотом,
сьогодні з олівцем,
Його усеюди можна розпізнати
Однак завзятим, сміливим бійцем.
[1, 1924. — № 3–4. — С. 39].*

Рабфаки должны были обеспечить быструю пролетаризацию состава студенчества. И действительно, по данным

ческие проверки, или, по тогдашней моде все сокращать, САП. САПы должны были поддерживать «классовую чистоту», бороться с «мелкобуржуазными влияниями» и «проявлениями мещанства». Имели САПы и иную задачу, менее афишируемую. Революция и гражданская война поставили образование на грань полного краха, студентам катастрофически не хватало жилья, стипендий, продуктов питания, не говоря уже об учебниках и тетрадах. И власть пошла по пути сокращения студенческого контингента. «Не гнушайтесь, гоните их и с последних курсов», — так партийные органы дали «зеленый свет» предстоящим «чисткам» [1, 1924. — № 3–5. — С. 77]. САПы прерывали нормальную учебу и пугали студентов, плохо разбиравшихся в событиях текущей политики, международном положении и деятельности Коминтерна. Вот отрывок из фельетона, помещенного в журнале «Студент революции»:

*А. И. Страхов-Браславский.
Раскрепоощенная женщина — строй социализм. Плакат, 1926*

В обстановке культурной безграмотности, невежества и предубежденности профессора нередко становились объектами травли и оскорблений

«Пролетарское студенчество» относилось к «старой профессуре» более враждебно:

*С дороги буржуазные спецы,
Капитала и гнета жрецы!
Идем мы, рабфаковцы, с песней,
Рабочей страны кузнецы.*
[1, 1924. — № 1–2. — С. 49].

Комсомольские ячейки принимали на себя функции политического контроля над профессурой. В обстановке культурной безграмотности, невежества и предубежденности профессора нередко становились объектами травли и оскорблений. Нарком просвещения А. В. Луначарский отмечал: «Профессура относилась к ней (комсомольской ячейке. — А. П.) как к маленькой университетской ПТУ, которая насквозь видит, что под ложечкой у профессуры, а если увидит темную тень, то... начинает мешать такому профессору всемерно, мешать прямо в смысле преподавания...»

[1, 1924. — № 4–5. — С. 12]. Наркому приходилось даже защищать преподавателей: «...Мы должны во что бы то ни стало использовать старую интеллигенцию профессорского типа, ибо никакого другого источника живого знания не имеем. Если бы даже вы сказали, что вся профессура черносотенна, то и тогда должны были сказать: пожалуйста, будьте любезны...» [1, 1923. — № 4–5. — С. 11–12].

***

Непростыми были и отношения в самой студенческой среде. Противоречия между «рабоче-крестьянским элементом» и старой частью студенчества, идейно близкой к кадетам, эсерам, меньшевикам, вызывали жесткую полемику. Особенно напряженные дискуссии происходили в начале 20-х годов. Враждебность существовала и на бытовом уровне. Взаимное непонимание и

замкнутость различных социальных групп отражает студенческий рассказ того времени: «...Вообще они (студентки не proletарского происхождения. — А. П.) очень странны и непонятны и говорят всегда «такое», что-то изящное, похожие на не успевших загримироваться актрис, одетые по последнему приказу моды, пахнущие сразу всем парфюмерным магазином... Это «курсе-хи» или «женский вопрос». «Курсе-хи» терпеть не могут слова товарищ. От серых, безвкусно одевающихся и таких невзрачных студентов и курсисток они брезгливо сторонятся и не могут понять, для чего такие голодранцы лезут в ВУЗы... Дружат со студентами, одетыми по моде...» [1, 1923. — № 2–3. — С. 10]. Существовали проблемы и на национальной почве. Согласно студенческой переписи 1923 года, студенты-евреи составляли 40,6%, тогда как русских было 29,9%, украинцев — 21,9% [2, с. 12–15]. Превалирование студентов еврейской национальности питало агрессию «пролетарского студенчества». Другим объектом агрессии «рабоче-крестьянского элемента» были студенты гуманитарных факультетов. Иллюстрацией может служить, например, решение студентов Харьковского института народного хозяйства начать борьбу с гуманитариями: «Придется повоевать с тем добрым, но старым, которое так мешает нам в них — в особенности на правовом, наиболее гуманитарном факультете, оторванном от хозяйства факультете. Я говорю о том же, о чем так хорошо сказала немецкая песенка:

*Wunderscon war diese Stute,
Leider aber sie tot.
(Хороша была кобыла,
Но была уже мертва).*
[1, 1923. — № 2–3. — С. 116].

***

Нельзя обойти тему материально-бытового положения студенчества. Обратимся к материалам переписи, произведенной среди студентов Харькова и Одессы в 1923 году. Студент 20-х годов — чаще всего выходец из пролетарской среды. Большинство студентов — приезжие, не имевшие постоянных жилья и заработка. К началу 1923/24 учебного года только 23,4% харьковских

Дом пролетарского студенчества на ул. Артемовской.
Клуб физкультуры «Рабфаковец», 1926

ГОЛОСА

студентов получали поддержку своих семей, 50% владели полугодичное существование, 17,6% вовсе голодали. В сырых квартирах проживали 38,7%, нормальной жилой площади не имели 68% студентов [2, с. 39].

Вот описание одного из харьковских Домов пролетарского студенчества: «...По комнатам, коридорам, уборным, во дворе — антисанитария. Кроме изолятора, никаких комнат нет. Целый корпус (около 40 комнат) занят воинской частью. ...Центральное отопление неисправно. Двор лишен зелени и выходит на реку Лопань, известную своим зловонием. Надо отметить, что ряд студентов помещен в нижнем этаже — в бывших магазинах — совершенно сырых подвалах» [2, с. 40]. В ходе той же переписи обнаружилось, что сотни студентов живут на вокзалах, в садах, в пригородных деревнях, на окраинах города.

Не лучше обстояло дело и с питанием: «один раз в день горячая пища —

бывать 3 года в Красной Армии, перенести все тяготы военной обстановки, окончательно подорвавших его здоровье... На почве недоедания у него обострился туберкулез в легких...» [1, 1923. — № 4–5. — С. 74].

В те годы развернулось движение «за коллективизацию быта». Сказалось оно и на жизни студенчества. В 1922 году в Харькове бывшему институту благородных девиц дали пышное название «Дом пролетарского студенчества № 1 им. Октябрьской революции». Туда поселили более 600 студентов, поставив задачу «организации коллективной жизни в полном смысле этого слова» и организации коммун. Для начала студенты обобществили денежные средства [1, 1933. — № 7. — С. 38–39]. А затем — нравы в среде «коллективистов» были

общественной деятельности. Типичный для 20-х годов символ — юная пролетарка, неизменно спешащая в своей красной косынке и с книжками подмышкой по общественным делам.

Г. Г. Рязжский. Делегатка, 1927

общественной деятельности. Типичный для 20-х годов символ — юная пролетарка, неизменно спешащая в своей красной косынке и с книжками подмышкой по общественным делам.

Тяжелые бытовые условия и недоедание подрывали здоровье студентов. В Харькове, Киеве, Одессе от 12 до 40% студентов страдали туберкулезом и малокровием, у 90% обнаружилось расстройство нервной системы

обед, выдаваемый счастливым, получающим бесплатное питание от Комиссии Европейской помощи студенчеству, только раздражающий слизистую желудка... Остальные перебиваются пищей всухомятку...» [2, с. 41].

Немудрено, что тяжелые бытовые условия и недоедание подрывали здоровье студентов. В Харькове, Киеве, Одессе от 12 до 40% студентов страдали туберкулезом и малокровием, у 90% обнаружилось расстройство нервной системы [2, с. 41]. Журнал «Студент революции» свидетельствовал: «...Вот с лихорадочным блеском в глазах стоит юноша. Ему 22 года, а он уже успел по-

свободные — «поделили» девушек. К счастью, долговременных результатов движение «за коллективизацию быта» не имело; к середине 30-х годов исчезли последние коммуны.

В послереволюционные годы быстро меняется социальный статус женщины и отношение к ней. Советская власть решала задачу раскрепощения женщин, привлечения их к строительству нового общества. Многие женщины, получившие после революции доступ в вузы, не только учились, но и активно занимались общественной работой. Так, в 1923 году 26% студенток участвовали в партийной, профессиональной и другой

***

Автору не хотелось бы, чтобы у читателя сложилось негативное отношение к студенчеству 20-х годов. Однозначно отрицательных оценок следует избегать, ведь именно из студенческой массы того времени выросло первое поколение советской интеллигенции, многие представители которой навеки вписали свои имена в отечественную и мировую историю, науку, культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Студент революции: Орган Всеукраинского совета профсоюзов. — X., 1922–1933.
2. Жизнь современного украинского студенчества. — X., 1924. — 46 с.